

в которой автор уделяет немало места литературе древнего периода. Строго филологический метод, введенный С. Кимура в изучение древнерусской литературы в Японии, находит последователей в кружке молодых аспирантов. Во всяком случае со второй половины 50-х годов началась новая эпоха изучения древнерусской литературы в нашей стране.

Сэйдзи Фукуока (университет в Хоккайдо) в «Сураву кэнкю» (т. III) критически суммировал новейшие работы зарубежных ученых по литературным произведениям о первых двух русских святых и перевел «Сказание о Борисе и Глебе» на японский язык (XIV). Характерной чертой работы молодого автора является осторожность подхода к тексту и новым достижениям ученых СССР и других стран.

Есикадзу Накамура (университет Хитоцубаси) прорецензировал работу Н. А. Мещерского о древнерусском переводе «Иудейской войны» Иосифа Флавия (XVII) и высказал мнение, что автору не вполне удалось доказать свой тезис о том, что все загадочные добавления, существующие в древнерусском переводе памятника, были сделаны по инициативе древнерусского переводчика.

Новая работа Е. Накамура — японский перевод «Слова о погибели Руския земли» и Жития Александра Невского будет помещена со вступительной статьей в следующем номере «Сураву кэнкю».

Выше мы старались вкратце изложить настоящее положение изучения древнерусской литературы в Японии. В самом деле, трудность, стоящая на пути нашего изучения, несказанно велика из-за недостатка материалов, необходимых для изучения, особенно текстов и статей, изданных в довоенные годы в СССР и других странах. Японские исследователи горячо желают скорейшего осуществления серьезного научного изучения древнерусской литературы, которому способствовал бы международный обмен необходимыми работами и материалами.

В конце этой краткой заметки мы помещаем интересные сведения японского свидетеля о личности первого издателя «Слова о полку Игореве» А. И. Мусина-Пушкина. В начале 1780-х годов японское грузовое судно, встретясь с тайфуном, потерпело аварию в Тихом океане. Капитан Кōдаю Дайкокуя, выброшенный с экипажем судна на берег одного из Алеутских островов, приехал после тяжелых испытаний в Петербург в 1791 г., чтобы добиться разрешения вернуться на родину. Здесь он познакомился с придворными Екатерины II, в том числе и с А. И. Мусиным-Пушкиным. В «Хокуса бунряку» (Записках пребывания на Севере), отредактированных Кацурагава на основе рассказов Кōдаю по его возвращении, мы находим следующую заметку:

... Мусин-Пушкин, житель Петербурга, был человеком редкой любознательности. У него было много странных вещей. Среди них большой «элекитер» (?) в 2 кэн шириной и 3 кэн длиной ... Кōдаю также видел у него духовое ружье...⁵

Далее, рассказывая как при отъезде Кōдаю, А. И. Мусин-Пушкин подарил ему английский микроскоп, автор продолжает:

... Он [А. И. Мусин-Пушкин] был человек крайне любознательный... и упрасивал Кōдаю дать ему японские золотые и серебряные монеты, находящиеся у него. Сначала Кōдаю решительно отказался, но потом, по повторившейся просьбе Кирилла [Лаксмана, покровителя японских моряков в России], подарил Мусину-Пушкину, хотя неохотно, 1 рё золотом, 1 рё мелкими деньгами ... и серебряную трубку...⁶

⁵ Хокуса бунряку. Под ред. проф. Такаёси Камэй. Токио, Сансьёся, 1937, стр. 264—265. (Кэн — древнеяпонская единица длины, равная 1,8 м).

⁶ Там же, стр. 48. (Рё — древнеяпонская денежная единица).